

ELŻBIETA TYSZKOWSKA-KASPRZAK

ПЕРЕХОДНОЕ ПОКОЛЕНИЕ РАСПАДА СССР В РОМАНЕ ЕЛЕНЫ ЧИЖОВОЙ *ПЛАНЕТА ГРИБОВ*

В настоящей статье ставится цель описать образ переходного поколения распада СССР в романе Елены Чижовой *Планета грибов* (2014). Поколенческий опыт этой генерации, проживавшей в двух разных политических, социальных и экономических системах в момент их смены и формирования новой России, определяет провал советского государства и социалистического строя. В дискурсе, определяющем специфику этого поколения, как и поколения эпохи создания СССР, чаще всего говорится о его переходном характере. Изображение этой генерации в романе Чижовой представлено с помощью теоретических разработок классических и современных исследователей этого вопроса как в психологическом, так и в социальном аспектах.

Одним их вариантов исторического анализа является рассмотрение межпоколенческих связей. Сторонник поколенческого видения истории – Теодор Шанин указывает на эту древнюю традицию понимания исторического процесса, отраженную в Библии и древних мифах¹. Отметим, что в античной литературе понятие поколения было связано с генеалогией как способом измерения времени, а также служило описанию родовой и исторической последовательности². В XVII и XVIII вв. в рассуждениях о поколении начали акцентироваться не черты, соединяющие генерации, а отличия между ними.

Эльжбета Тышковска-Каспрзак, доктор хаб., проф. Вроцлавского университета – Вроцлавский университет, Факультет нефилологии, Институт славянской филологии; адрес для переписки: ul. Pocztowa 9, 53-313 Wrocław; e-mail: elzbieta.tyszkowska-kasprzak@uwr.edu.pl; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8297-0630>.

Dr hab. ELŻBIETA TYSZKOWSKA-KASPRZAK, prof. UWŹ – Uniwersytet Wrocławski, Wydział Neofilologii, Instytut Filologii Słowiańskiej; adres do korespondencji: ul. Pocztowa 9, 53-313 Wrocław; e-mail: elzbieta.tyszkowska-kasprzak@uwr.edu.pl; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8297-0630>.

¹ Teodor Shanin, „Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya Rossii”, *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye*, no. 3 (2005): 7.

² Kazimierz Wyka, *Pokolenia literackie* (Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1977), 17.

Они касались не столько времени, сколько социально-культурных расхождений, заключающихся в разнице характеров, сознании и социальной структуре. В это время впервые был отмечен конфликт поколений, который особенно ярко проявился в эпоху романтизма³.

Теоретические основы исследования перемен поколений дал еще в XIX в. Вильгельм Дильтей, определивший поколение как общность, сформированную примерно в то же время под влиянием одинакового опыта существенных событий⁴. Рассуждения Дильтея можно дополнить замечанием Юлиуса Петерсена, что генерация выделится и резче обозначится, когда названные Дильтеем события станут общим „поколенческим испытанием”, объединяющим группу молодых людей в замкнутый некими рамками союз⁵. Великие духовные потрясения, приходившиеся на годы молодости, становятся общим наследием молодежи, формирующим ее систему ценностей, способ видения мира и своего места в нем. Это отличает молодое поколение от предыдущего, в силу своего возраста не реагирующего на внешние вызовы так интенсивно⁶. Надо подчеркнуть, что в этих рассуждениях поколение толкуется как понятие социальное, а не родовое.

Актуальной в наше время остается теория поколений Карла Мангейма, опубликованная в 1928 г. в работе *Проблема поколений*, в которой он поддерживает мнение своих предшественников и утверждает, что фактором принадлежности к конкретной генерации является не только одно время и культурное пространство, но и осознание общей судьбы, одинаковый подход к жизни и понимание действительности, похожие цели, а также схожие принципы поведения. Существенным приложением к этой идее является мысль о том, что поколение нельзя рассматривать как некий монолит. Мангейм подчеркивает, что члены одного поколения создают внутри него разного рода слои и прослойки (между прочим, по социальному или экономическому статусу, классу, культуре), а даже могут по-разному оценивать поколенческое событие, формирующее их генерацию. Таким образом, поколение является динамичной структурой, если принять во внимание общую историческую судьбу, и одновременно антиномичной по отношению

³ Wyka, *Pokolenia literackie*, 18-19.

⁴ Wyka, *Pokolenia literackie*, 25; Aneta Kamińska, „Kategoria pokolenia we współczesnych badaniach nad społeczeństwem i kulturą – przegląd problematyki”, *Kultura i Historia*, nr 11 (2007), 25.10.2024, <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/pl/archives/113>.

⁵ Jan Garewicz, „Pokolenie jako kategoria socjofilozoficzna”, w: *Na krawędzi epoki. Rozwój duchowy i działanie człowieka*, red. Jarosław Rudniański i Krzysztof Murawski (Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985), 150.

⁶ Wyka, *Pokolenia literackie*, 50.

к внутренним расхождениям⁷. Принимая теорию Мангейма, можно, по нашему мнению, правильно пользоваться понятием *поколение*, так как в нем не стирается существенная разница между людьми одного возраста, в чем некоторые исследователи упрекали сторонников теории поколений.

Категория поколения отразилась как в русской классической литературе (Olaszek 293–302), так и в словесности советского периода⁸. Несмотря на понимание генерационных отличий, проблема поколения была осознана российской социологической мыслью довольно поздно. Западные теории поколения появились в советском научном дискурсе лишь во второй половине XX в. благодаря Игорю Кону⁹, которому следовали другие советские социологи, применившие категорию поколения к советской действительности¹⁰. В XXI в. Теодор Шанин, отталкиваясь от теории классового и цивилизационного анализа истории, предлагает другой вариант исторического анализа, связанный с категорией поколения¹¹.

Проблема поколений проявляется особенно ярко в моменты исторических потрясений, когда вследствие резких изменений в способе жизни намечается отмежевание молодых от мира ценностей старших. Например, такие процессы запечатлели русские писатели в 1920-е и 1930-е годы, представляя образ „нового человека”. Аналогичная ситуация возникла после распада СССР, когда экономическая, политическая и социокультурная трансформация способствовала возникновению нового образа жизни, новых взглядов и ценностей, представителями которых стали в основном молодые люди.

Рефлексия об этом „промежуточном” поколении, ставшем связующим звеном между старой системой и пришедшей ей на смену новой, появляется не только в научных работах, но и в произведениях словесности, между прочим, в романе Елены Чижовой *Планета грибов*. Писательница ставит в произведении акцент на проблеме памяти – родовой и исторической, а также на проблеме поколений, живущих в переходную эпоху конца XX в. Действие романа развивается в течение недели в дачном поселке около Соснова на севере от Санкт-Петербурга. В этот довольно ограниченный промежуток

⁷ Karl Mangeym, „Problema pokoleniy”, *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 2 (1998): 40-45.

⁸ Marietta Chudakova, „Zametki o pokoleniyakh v sovetskoy Rossii”, *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 2 (1998): 73-91.

⁹ Igor' Kon, *Sotsiologiya lichnosti* (Moskva: Politizdat, 1967); Igor' Kon, „Ponyatiye pokoleniya v sovremennoy obshchestvennoy zhizni”, v: *Aktual'nyye problemy etnografii i sovremennaya zarubezhnaya nauka*, red. Yuriy Maretin i Boris Putilov (Leningrad: Nauka: Leningradskoye otdeleniye, 1979), 209-224.

¹⁰ Yuriy Levada, „Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 5 (2001): 7-14.

¹¹ Shanin, „Istoriya pokoleniy”, 7.

времени два персонажа – неназванные он и она – проживают на соседних дачах. Сюжет охватывает два временных пласта: время действия – начало XXI в., когда героям 47 лет, и данное в ретроспективах время их детства в советскую эпоху. Таким образом, Чицова представляет в произведении два разных исторических периода и два поколения¹².

Главные персонажи постоянно вспоминают детство и своих родителей, а конкретизации воспоминаний способствует пребывание в загородном доме, построенном родителями и связанном с семейной жизнью¹³. В начале романа их воспоминания сводятся главным образом к популярному конфликту отцов и детей на личном, семейном уровне и одновременно изображают два разных варианта привязанности взрослых детей к умершим родителям и памяти о них. Герои выросли в разных слоях общества: его родители приехали в город из деревни и работали на фабриках инженерами-технологами, а она – дочь литературного критика, редактора, несостоявшегося писателя. В воспоминаниях персонажей постоянно появляются элементы, изображающие очередные этапы семейного конфликта, понимаемого как динамичный процесс межпоколенческих отношений. Как заметила Маргарита Вдовина, „обычно этот процесс включает в себя такие ситуации и действия в семье, как расхождение во взглядах, несогласие с противоположной стороной, непонимание и нежелание понять друг друга, столкновение интересов, напряженные взаимоотношения и противодействие сторон, конфронтация, противоборство мнений, антагонизм, разрыв отношений и т.п.”¹⁴.

Межпоколенческие, как и другие, конфликты проходят несколько стадий: предконфликтная стадия, открытое столкновение сторон, разрешение конфликта. В *Планете грибов* четко изображаются две первые стадии, но в случае обоих героев не представлена третья – писательница лишает своих героев возможности выяснить давние проблемные ситуации и разногласия, извиниться, простить друг другу, поскольку их родители скоропостижно умерли: его – погибли в автокатастрофе, ее – отравились грибами. Итак, герои остаются одни со своими травмами, чувством отвержения и непонимания родителями. Это вызывает негативные последствия в психике уже взрослых людей.

¹² Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak, „Dacha jak metafora sovetskogo byta: «dachnyy gabitus» v romane Yeleny Chizhovoy *Planeta gribov*”, *Przegląd Rusycystyczny*, nr 4 (2022): 137.

¹³ Maurice Halbwachs, *Spoleczne ramy pamięci*, tłum. Marcin Król (Warszawa: PWN, 1969), 231; Teresa Sołdra-Gwizdź, „Spoleczne ramy zbiorowej pamięci rodziny”, *Family Forum*, nr 3 (2013): 125.

¹⁴ Margarita Vdovina, „Konfliktnyye vzaimootnosheniya pokoleniy v sem'ye i ikh regulirovaniye”, *Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3 (2008): 316.

В ретроспекциях показаны изменения ценностей на протяжении нескольких десятилетий, ведущие к напряженности в отношениях между родителями и детьми. Заметен уход от модели традиционной патриархальной семьи и снижение почтения к возрасту. Дети критически оценивают поведение родителей, не одобряют их интересов и способа времяпрепровождения. Герою было стыдно, что родители не лишились своих «деревенских» привычек:

В Ленинград приехали после войны. Работали, учились, строили дачу... Всю жизнь делали запасы: мука, крупа, макароны, соль, спички. Когда в доме кончился хлеб, отец нервничал, заглядывал в хлебницу: “Посмотри, у нас нет хлеба”. Мать всегда покупала с запасом, потом, когда куски плесневели, сушила сухари. Однажды спросил: “Вы голодали в детстве?” Отец испугался: “Голодали? С чего ты взял?”¹⁵.

Его раздражали языковые ошибки отца и матери („говорят как у себя в деревне”) и то, что все силы, старания и внимание они уделяли не сыну, а даче:

Остаток жизни положили на то, чтобы создать свой мир, ограниченный высоким забором. Их жизнь – иллюстрация пословицы о сыне, дереве и доме. Хотя подлинным сыном был не он, а этот дом. Точнее, все, что построено на участке: дощатое двухэтажное строение, кухня-временка, сарай, набитый дровами, туалет, торчащий внизу на отшибе, грядки, парник, плодовые деревья. В основе лежал великий замысел: ДОСТАТЬ и ДОСТАВИТЬ¹⁶.

Протагонист констатирует, что городскую квартиру родители превратили в «подсобное помещение», где собирали различные предметы, которые могли пригодиться в загородном доме, подоконники заставили рассадой, в кладовке хранили удобрения. Молодому человеку было стыдно пригласить в дом даже лучшего друга¹⁷.

В свою очередь, героиня вспоминает родителей как людей беспомощных: „За каждой мелочью звали каких-то работяг. Платили не торгуясь. Те пользовались, задирали немислимые цены”¹⁸. Они не испытывали тяги к сельскохозяйственному труду: ее возмущало, что на их участке не было огорода, все было запущено, вокруг дома росли лишь лебеда и крапива. Дочь не одобряла встреч родителей со знакомыми в загородном доме. Приезды гостей – представителей „культурной элиты” проходили всегда с ночевкой и сопровождались угощением, обилием алкоголя и бурными дискуссиями, зачастую с употреблением

¹⁵ Yelena Chizhova, *Planeta gribov* (Moskva: Izdatel'stvo AST, 2014), E-book, глава 3, fb2.

¹⁶ Chizhova, *Planeta gribov*, глава 1.

¹⁷ Tyszkowska-Kasprzak, „Dacha kak metafora”, 141-142.

¹⁸ Chizhova, глава 2.

нецензурной лексики. Эти беседы настолько раздражали протагонистку, что она накрывалась с головой одеялом, „лишь бы не слышать дурацких разговоров, пересыпанных интеллигентным матерком”¹⁹. В семье она чувствовала себя лишней, ей не хватало материнской заботы и нежности, поэтому всю жизнь вспоминала случай, когда соседка на даче назвала ее доченькой.

Эта предконфликтная стадия проходила в обоих случаях в скрытом виде – молодые люди не сопротивлялись родителям явно, не противостояли им, не спорили. Источником открытой коллизии между поколениями стал выбор детьми жизненного пути – они оба не были намерены оправдывать родительские амбиции и ожидания и решили следовать собственным увлечениям и представлениям о собственном будущем.

В семье протагониста конфликт проходил в легкой форме: его родители – инженеры-технологи не сопротивлялись решению сына стать переводчиком, но открыто заявляли, что не понимают такого выбора:

Думал о себе, чувствуя тоску и острое отчуждение: как в ранней юности, когда выбирал профессию. Не то чтобы родители возражали. Просто высказывали сомнение: “Сынок, у тебя так хорошо с математикой. И мы, – взгляд на отца, – технари”. – “Не знаю... – отец пожал плечами. – Какая-то... женская профессия. Не для мужчины...”²⁰;

В голосе матери мелькнул классовый упрек. С их точки зрения, не работа, а баловство: вроде секретарской – знай стучи по клавишам²¹.

Родители героини на ее выбор ответили открытым сопротивлением. Она уже раньше не оправдала родительских ожиданий, не проявляя способностей к балету, а позже важнейшее жизненное решение стало для них последней каплей: дочь писателя задумала заняться торговлей:

Родители настаивали на филологии. Ответила, как отрезала: “Я – в торговый”. Мать хваталась за сердце: “В нашей семье! Господи... Мы – не торгоши!” Отец пытался переубедить: Сама пожалеешь. Торговля... – морщился, подбирая определение. – Купи-продай... Мещанство засасывает. Быстро, не успеешь оглянуться. Ты – девочка из интеллигентной семьи... Духовные потребности... Пойми, это все – грязь!²².

¹⁹ Chizhova, *Planeta gribov*, глава 2.

²⁰ Chizhova, глава 1.

²¹ Chizhova, глава 1.

²² Chizhova, глава 2.

Даже когда необидительные комментарии прекратились, героиня признавалась, что чувствовала „барьер, полосу отчуждения”, а родители до конца относились к ее профессии с презрением, считали ее „отрезанным ломтем, предательницей, променявшей их идеализм на убогий материализм”²³. Они не гордились дочерью и тогда, когда она стала успешным предпринимателем, не признавали ее таланта к торговле, утверждая, что талант может проявляться исключительно у людей, посвятивших себя искусству. С отторжением собственной семьей протагонистка не может смириться даже после смерти родителей: „Стоит, прислушиваясь, будто ожидает услышать отголосок: тонкий звук, с которым разбиваются жестокие родительские сердца, полные пустых надежд”²⁴.

На примере главных персонажей Чижова изображает последствия детских травм в жизни взрослых людей, в их способе видения себя, в умении самостоятельно жить. Героиня как взрослая женщина все время осознает отторжение родителями: она избегает воспоминаний, не посещает могилу родителей, на их дачу приезжает единственный раз – чтобы продать ее, а в глубине души чувствует обиду и не умеет простить. Даже мысль о собственной смерти ужасает ее только потому, что означает встречу с родителями в том мире. Поведение протагониста представляет другую ситуацию: в детстве его во всем выручали и подчиняли своему отлично организованному режиму, и, повзрослев, он не умеет жить без родителей, бессознательно повторяет их привычные действия, живя в построенном ними загородном доме, ничего в нем не изменяет и даже после их смерти постоянно с ними разговаривает, советуется. Будучи человеком беспомощным, не умеющим сладить даже с мелкими починками в доме, он представляет себе, как бы это сделал отец, и сравнивает себя с ним: „Я не отец. Мне не справиться...”²⁵.

Уже эти внутрисемейные конфликты свидетельствуют о разных взглядах на жизнь у представителей разных поколений, живущих в период перестройки и распада СССР. В большей степени это касается подхода к представлениям об общественно-политической системе страны. В обеих семьях не возникли споры на идеологические темы. Родители мужчины не рассуждают о политике и государственной организации страны, в которой им пришлось жить. Они были заняты созданием своего маленького мира – строительством дачи, которая в советское время была единственным проявлением

²³ Chizhova, *Planeta gribov*, глава 5.

²⁴ Chizhova, глава 4.

²⁵ Chizhova, глава 1.

частной жизни²⁶. Отец героини в разговорах с друзьями высказывается против власти и иронически определяет свою борьбу с системой как отказ от сельхозработ на загородном участке. С целью представления межпоколенческого конфликта основанного на противоположных политических убеждениях писательница вводит другого персонаж – лучшего друга и однокурсника протагониста – Марлена. Разногласия между ним и его родителями возникли еще в студенческие годы. Марлен презирает взгляды и деятельность отца – профессора, участвующего в политической жизни, между прочим, причастного к травле „космополитов”. Сын выступает против благополучной жизни родителей, осознавая, каким путем они ее достигли. Как акт протеста представлен переезд Марлена из шикарной родительской квартиры в запущенное общежитие.

Сюжетная линия, связанная с Марленом, сопрягается с основной, по нашему мнению, проблемой романа – вопросу о взглядах и действиях так называемого переходного поколения, т.е. людей, для которых „поколенческим испытанием” стал распад Советского Союза. Родившиеся и выросшие в советское время молодые люди, как замечает Чицова, не имели одинаковых ценностей и до этого исторического события. Благодаря изображению персонажей, происходящих из разных социальных слоев, писательница подчеркивает неоднородность генерации до события, формирующего поколение. Вызванные этим разнообразием последствия представлены во взрослой жизни героев, пришедшейся на период трансформации России.

Изображение этого поколения, запечатление взглядов молодых людей важно, поскольку, согласно мнению многих социологов, в нем отражается состояние целого общества²⁷. Если соотнести образ поколения в романе Чицовой с типологией Ричарда Г. Браунгарта, то из четырех подходов к анализу молодого поколения: психологического, исторического, поколенческого и исторически-поколенческого здесь можно заметить последний, сочетающий „внутренние” для отдельных людей факторы и внешние обстоятельства и события, а также биологически-социальные условия²⁸.

Чицова многократно намекает на то, что это поколение переходное – оно формировалось в социалистической системе, точнее – в ее конечном фазисе,

²⁶ Tat'yana Tsiv'yan, *Dacha i dachniki v russkom predstavlenii. Predvaritel'nyye materialy*, 25.06.2022, https://studylib.ru/doc/3975812/dacha---institut-mirovoj-kul._tury-mgu.

²⁷ Krystyna Szafraniec, *Młodzi 2011* (Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, 2011), 61-81, 25.10.2024, <https://nck.pl/badania/raporty/mlodzi-2011>.

²⁸ Richard G. Braungart, „Historical Generations and Youth Movements: a Theoretical Perspective”, *Research in Social Movements, Conflict and Change* 6 (1984): 108-121.

но обустроить свою жизнь им пришлось при капитализме 1990-х. Алексей Юрчак называет их «последним советским поколением» и признает, что:

К этому поколению [...] относятся все те, кто был достаточно зрел, чтобы полностью сформироваться еще в советский период, но и достаточно молод, чтобы в период реформ, а затем в начале 1990-х годов довольно быстро превратиться во все еще молодых “постсоветских людей”. Согласно такому определению, *последнее советское поколение* включает в себя людей с относительно широким разбросом возрастов, родившихся между серединой 1950-х и началом 1970-х годов²⁹.

В романе появляются мотивы, указывающие на переходный, гибридный характер поколения и ситуацию трансформации целого общества. Это в основном грибы, исследуемые инопланетянами – героями книги, переводимой протагонистом. Грибы – не то растения, не то животные: как растения они не обладают способностью к фотосинтезу и не имеют в своем составе хлорофилла, но в отличие от животных – они не могут перемещаться и растут всю жизнь. Черты царств растений и животных появляются у грибов и на уровне структуры клеток и тканей. В случае метафоры нового поколения существенным свойством грибов является их форма, совершенно отличная от грибницы, из которой они вырастают и от которой не могут отделиться. В заглавии *Планета грибов* подчеркивается ограниченность обитаемого грибами пространства³⁰.

Фрагменты фантастической повести, включенные в повествование, касаются, прежде всего, вопросов эволюции, наследственности, естественного отбора, противоречий между поколениями. Уже в самом начале книги капитан космического корабля заявляет, что планету, изображающую, как легко догадаться, Советский Союз/Россию, обживают переходные формы организмов:

Переходные случаи, несомненно, показательны. Своего рода мостики между растениями и животными. С поправкой на местные особенности они встречаются во всех галактиках. Но на планете, к которой мы приближаемся, наличествует уникальная форма. Наши ученые дали ей название: грибы. Их свойства до конца не изучены, однако большинство биологов склоняются к тому, что грибы – самостоятельное царство, существующее наряду с животными и растениями³¹.

²⁹ Aleksey Yurchak, *Eto bylo navsegda, пока ne konchilos'* (Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016), 85.

³⁰ В заглавии польского перевода *Grzybnia* (*Грибница*) подчеркивается связь с предыдущим поколением и невозможность оторваться от него.

³¹ Chizhova, *Planeta gribov*, глава 4.

Писательница использует такой же псевдонаучный дискурс для представления истории живых организмов на этой планете, подчеркивая, что в начале была заметна точность в копировании репликантов, но позже „копировальный механизм совершил ошибку. Количество ошибок множилась...”³². Рассуждения о генетике и существах, обитающих на исследуемой планете, касаются и странной находки, обладающей то ли крыльями, то ли плавниками. Ученые также определили это существо как переходную форму, причем итоги их исследования являются метафорой развития общества: „Похоже, речь шла о переходной форме, которая под влиянием каких-то чрезвычайных обстоятельств выползла на берег, но так и не сумела расправить зачатки крыльев [...] Эволюция, на которую ученые традиционно возлагают надежды, в данном случае зашла в тупик. Точнее, не сумела из него выбраться”³³; „Эволюция... Вперед и только вперед, всегда в одном направлении... Все остальное – тупиковые ветви...”³⁴.

Теория эволюции применяется в романе как к отдельным персонажам, так и к целому обществу. Один из однокурсников назвал главного героя после обсуждения перевода коллеги: „Homo soveticus. Ошибка эволюции, тупиковая ветвь...”; он сам, как переводчик, чувствует себя „иной формой жизни” по отношению к своим предкам–земледельцам; протагонистка считает своих родителей посторонними: „Не понимаю, в кого ты такая уродилась?” – повторяла ей мать.

Рассуждения на тему генетических сбоев в тексте романа можно отнести к социологическим и психологическим теориям преемственности ментальности. Психолог Влада Пищик, исследуя ментальность очередных поколений общества СССР/России (установки, ценности, представления), замечает, что в обычных условиях традиции передаются поколениям по прямой трансмиссии. Традиция множится, но в период инноваций перестает быть однозначной и однородной. Тогда появляется новый тип ментальности, который Пищик называет переходным³⁵. В результате исследования психологам удалось определить социально-психологические характеристики советского (взаимозависимые представления о своем „Я”, коллективистские ценности, направленность на социальную стабилизацию, преобладание конформизма в отношениях, дискурсивная гомогенность) и постсоветского (независимые представления о своем „Я”, индивидуалистические ценности,

³² Chizhova, *Planeta gribov*, глава 2.

³³ Chizhova, глава 7.

³⁴ Chizhova, глава 5.

³⁵ Vlada Pishchik, „Tipologicheskiye i identifikatsionnyye priznaki pokoleniy”, *Russian Psychological Journal* 15, no. 2 (2018): 19-20, 25.10.2024, <https://core.ac.uk/download/pdf/287181087.pdf>.

направленность на социальные изменения, дискурсивная гетерогенность) поколений. Если советские поколения обладали традиционным менталитетом, а постсоветские – инновационным, то менталитет переходного поколения содержит элементы того и другого³⁶.

В романе появляется и марксистская идея развития социума, развития, основанного на так называемой надстройке. Эта мысль появляется также в фантастической повести об инопланетянах, в которой капитан экспедиции задумывается над способом преемственности и приходит к выводу, что гены не отвечают за знания, умения и взгляды. В свою очередь, героиня читает книгу из библиотеки родителей, в которой секретарь парткома опровергает генетику как науку, применяемую в социологических исследованиях:

События на биологическом фронте со всей остротой поставили вопрос о борьбе двух течений в нашей науке – материалистического и идеалистического. Космополиты от биологии, в своем зоологическом презрении ко всему советскому, покусались на самое святое. Они утверждают, что свойства будущего человечества определяются не успехами классовой борьбы, а лжезаконами генетики, продажной девки империализма...³⁷.

Изменения в обществе, различия между очередными поколениями отчетливо проявились в период обвала советской системы, когда сформированные в социалистическом строе люди внезапно попали в условия капитализма. Эти два совершенно разных экономических и идеологических порядка по-разному воспринимались и оценивались представителями молодого поколения, к которому принадлежат главные герои, и поколения их родителей. Мать и отец протагониста восприняли распад СССР как личную трагедию и, в отличие от сына, не питали никаких надежд. В семейных спорах они выражали мнение, что „за всеми событиями стояла злонамеренная воля” и во всем обвиняли Гайдара и Чубайса. Они не замечали в прежней системе никаких недостатков, и протагонист, осознав, что рациональные доводы не действуют на их убеждения, не стал разубеждать их. Как он отметил: „[...] с точки зрения родителей СССР – воплощение вселенского Добра”³⁸.

Убеждения молодого поколения, как показывает Чижова, неоднородны. Пример этому – споры главного героя с Марленом. Последний радикально отрицает приводимые протагонистом положительные моменты советской эпохи и достижения этого периода. Ни победа над фашизмом, ни покорение

³⁶ Pishchik, „Tipologicheskiye”, 22.

³⁷ Chizhova, *Planeta gribov*, глава 5.

³⁸ Chizhova, глава 1.

космоса не стоили, по его оценке, жертв и страданий как советских граждан, так и обществ других соцстран. Марлен дает однозначное определение прошлой системы: „СССР – страна победившего Зла”³⁹. Он считает, что в отличие от поколения родителей, не знающих в те времена хода истории и веривших в создание нового великолепного мира, их поколение видит все в другом ракурсе и должно дать советской системе должную оценку. Однако эта критика не повлияла на взгляды главного героя, который после некоторого времени все думал: „Раньше было лучше, конечно, лучше. Да, советское государство. Преступное. Но люди – добрые и честные. Во всяком случае, большинство. Как мои родители. Строили свой собственный мир. Трудолюбиво и молча”⁴⁰.

К „собственному миру” родителей, которым они считали загородный дом и участок, относится также мысль героя: „Вот только что они все-таки построили: рай или ад?”⁴¹. Этот же мотив, но в связи с рассуждениями о целом государстве, появляется и в воспоминаниях героини, неоднократно думающей о картинах Босха и его изображении чудовищ. К искажениям советской эпохи относится и повторяющаяся мысль Марлена: „Каждый человек – переводчик божьего замысла, только один уважает Автора, а другой несет отсебятину...”⁴².

Писательница представляет оценку СССР протагонистки, используя литературные аллюзии. В романе описывается посещение героиней библиотеки и выбор книги: она просит дать ей что-нибудь про отцов и детей и получает роман *Глазами клоуна* Генриха Бёлля. Героиня замечает совпадение своей судьбы с историей героя книги – молодого немца, обвиняющего своих родителей в поддержке нацистов. Она задумывается над тем, что роман Ивана Тургенева *Отцы и дети* и произведение немецкого писателя о той же вечной проблеме. Проблему моральной деградации советских людей она замечает, когда из дарственной надписи на книге случайно узнает о том, что ее отец служил системе и ломал непокорных граждан. С этого момента ее преследует мысль о том, что она – дочь палача и предсмертную боль толкует как наказание за грехи отца.

Представление взглядов молодого поколения на прошлое в период трансформации особенно важно для оценки состояния целого общества и определения вектора перемен. Эти оценки базируются на мнениях, кон-

³⁹ Chizhova, *Planeta gribov*, глава 5.

⁴⁰ Chizhova, глава 5.

⁴¹ Chizhova, глава 1.

⁴² Chizhova, глава 4.

струированных обществом, – в семейных беседах, школьных разговорах, информационных, культурных и политических дискурсах. Социологи придают большое значение тезису о том, что молодежи, как правило, свойственны либеральные взгляды, в то время когда их родителям – консервативные. Эти суждения основаны также на ключевых ценностях отдельных групп молодежи внутри рамок поколения⁴³.

Чижова учитывает разнообразие поколения и, в связи с этим, неоднородность взглядов молодых людей. Она изображает три типа отношения к минувшей эпохе: в образе Марлена показывается позиция бунтаря, ультра-радикала с упрощенным черно-белым мышлением, решительно рассуждающего об истории, но не предпринимающего никаких активных действий; протагонистка представляет категорию людей, сопротивляющихся прошлому не путем идеологических рассуждений, а в действии – она рвет связи с родителями (что тоже символично) и строит иную жизнь, успешно занимаясь предпринимательством в новых экономических условиях, она креативная и целеустремленная; третий тип отражает протагонист – нерешительный, беспомощный, остающийся под влиянием памяти о родителях, частично оправдывающий социалистическую систему, иногда ностальгирующий по ней, не способный внести никаких изменений в мир, переданный ему старшим поколением.

Разнообразие переходного поколения и приверженность старым ценностям большинства его представителей подтверждают опросы, проведенные в 90-е годы. Борис Дубин в статье о формировании молодого поколения приводит следующие данные:

В конце 1990-х годов (мартовский опрос ВЦИОМ 1998 г.) 58% опрошенных молодых россиян до 30 лет признали, что выросли такими же, как их матери и отцы; вдвое меньше (25%) – что решительно отличаются от своих родителей. При этом 45% хотели, чтобы их собственные дети и внуки стали совсем другими⁴⁴.

Развитие сюжетных линий отдельных персонажей романа Чижовой свидетельствует о пессимистичном прогнозе писательницы для общества: выживает только последний герой, представляющий стагнацию или возвращение к старой системе. О проблеме привязанности к прошлому рассуждает также протагонистка, прочитав реплику героини единственной книги отца:

⁴³ Krzysztof Wielecki, „Społeczne czynniki tożsamości pokoleniowej młodzieży”, *Studia Socjologiczne*, nr 1-2 (1990): 62.

⁴⁴ Boris Dubin, „Mezhdru vsem i nichem”, v: *Ottsy i deti. Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii*, red. Yuriy Levada i Teodor Shanin (Moskva: Novoye literatupnoye obozreniye, 2005), 252.

„Прошлое... Значит, и настоящее, и будущее...”⁴⁵. Приверженность к ушедшему общественному строю оценивается в романе крайне отрицательно. Марлен видит будущее исключительно в темных тонах: „Дальше – только бардак, последовательная деградация. Знаешь такое слово: вырождение?”⁴⁶. Также командир космического корабля из книги, которую переводил главный герой, ставит исследуемой планете точно такой же диагноз: „Эту планету ожидает вырождение. После катастроф такого масштаба жизнь не восстанавливается. Во всяком случае, в полной мере”⁴⁷.

Ожидаемый многими социальный перелом после распада СССР не наступил, социологи не заметили кардинального обновления российского общества ни в 90-е годы XX столетия, ни позже. Это объясняется по-разному: существует мнение („школы Юрия Левады”), что постсоветские поколения в значительной степени унаследовали от СССР антропологический тип „советского простого человека”, вместо того чтобы представлять собой противоположный в социальном и политическом аспектах тип. Некоторые опровергают такой взгляд, считая, что вполне возможно – молодежь не оправдала надежд позднесоветской либеральной интеллигенции, но ее позицию нельзя свести к консюмеризму, так как она проявляет другой тип общественной активности⁴⁸.

Главные герои *Планеты грибов* соответствуют этим двум представлениям о переходном поколении. Им также свойственно ощущение жизни „в разных мирах”: социализма (это постоянные отсылки к советскому детству) и капитализма с его принципами бизнеса, с которыми они справляются по-разному⁴⁹.

В свою очередь, образ Марлена соответствует другому типу представителей переходной генерации, для которого характерен фанатизм, максимализм требований, бескомпромиссность и жестокость по отношению к противникам. Как замечает Юрий Левада, „как правило, именно они становились и первыми жертвами разочарований и «стабилизирующих» акций. Но иногда и инструментами таковых”⁵⁰. В романе Чижовой герой после Перестройки из-за своей непримиримости и ощущения ненужности спился.

Переходное поколение Михаил Анипкин называет „потерянным” или „поколением лишних людей”. Метафора „потерянного поколения”, по его

⁴⁵ Chizhova, *Planeta gribov*, глава 3.

⁴⁶ Chizhova, глава 5.

⁴⁷ Chizhova, глава 7.

⁴⁸ Vadim Radayev, *Millenialy: kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo* (Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2020), 23-25.

⁴⁹ Dar'ya Petrunina, „«Perekhodnoye pokoleniye»: Pokolencheskaya identichnost' millenialov”, *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 2 (2022): 59-60.

⁵⁰ Yuriy Levada, „Zametki o probleme pokoleniy”, v: *Ottsy i deti*, 240-241.

мнению, лучше определяет специфику генерации конца 1960-х – начала 1970-х годов рождения, а второе определение схватывает общее настроение его представителей. Несмотря на то, что исследования Анипкина касались и вполне состоятельных людей, результат опросов указывает на их „потерянность” в следующих аспектах: „«демографический провал», российско-советская идентичность, ощущение отсутствия перспектив социального роста (поколенческий рессентимент) и политическая отчужденность”⁵¹.

Елена Погорелая утверждает, что романы писательницы нацелены на:

[...] создание атмосферы, в которую Чижова погружает своего “собеседника”, стремясь сообщить ему выстраданное ею самой представление о жизни, понимание того, что мир, где родились ее герои, советский мир – это то, что должно быть преодолено, то, с чем *мыслящему* и *страдающему* человеку невозможно смириться⁵².

В этом плане роман *Планета грибов* не исключение в творчестве Чижовой. Ее герои – представители молодого поколения привязанность к советскому называют болезнью, причем неизлечимой. В произведении многократно указывается причина этой болезни – русская жизнь. И так, писательница, изображая переходное поколение распада СССР и отражая важнейшие проблемы трансформации в современной России, касается также вопроса о „русской душе”, которая не зависит от поколенческих перемен, и видит в ней источник пристрастия русских к прошлому, ностальгии по минувшей системе: „[...] советская жизнь стала квинтэссенцией национального бытия. [...] А может быть, правильнее говорить о другой болезни? Не советской, а русской”⁵³.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anipkin, Mikhail. „Pokoleniye «lishnikh lyudey»: antropologicheskiy portret poslednego sovetskogo pokoleniya”. *Neprikosnovennyy zapas*, no. 1 (2018): 290-308 [Анипкин, Михаил. „Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения”. *Неприкосновенный запас*, № 1 (2018): 290-308].
- Braungart, Richard G. „Historical Generations and Youth Movements: a Theoretical Perspective”. *Research in Social Movements, Conflict and Change* 6 (1984): 108-121.
- Chizhova, Yelena. *Planeta gribov*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2014 [Чижова, Елена. *Планета грибов*. Москва: Издательство АСТ, 2014]. E-book.

⁵¹ Mikhail Anipkin, „Pokoleniye «lishnikh lyudey»: antropologicheskiy portret poslednego sovetskogo pokoleniya”, *Neprikosnovennyy zapas* 1 (2018): 297.

⁵² Yelena Pogorelaya, „V poiskakh ozvuchennogo vremeni. Yelena Chizhova”, *Voprosy literatury* 3 (2010): 259.

⁵³ Chizhova, *Planeta gribov*, глава 6.

- Chudakova, Marietta. „Zametki o pokoleniyakh v sovetskoy Rossii”. *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 2 (1998): 73-91 [Чудакова, Мариэтта. „Заметки о поколениях в советской России”. *Новое литературное обозрение*, № 2 (1998): 73-91].
- Dubin, Boris. „Mezhdru vsem i nichem”. V: *Ottsy i deti. Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii*, red. Yuriy Levada i Teodor Shanin, 245-252. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2005 [Дубин, Борис. „Между всем и ничем”. В: *Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России*, ред. Юрий Левада и Теодор Шанин, 245-252. Москва: Новое литературное обозрение, 2005].
- Garewicz, Jan. „Pokolenie jako kategoria socjofilozoficzna”. W: *Na krawędzi epoki. Rozwój duchowy i działanie człowieka*, red. Jarosław Rudniański i Krzysztof Murawski, 138-154. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985.
- Halbwachs, Maurice. *Spoleczne ramy pamięci*. Tłum. Marcin Król. Warszawa: PWN, 1969.
- Kamińska, Aneta. „Kategoria pokolenia we współczesnych badaniach nad społeczeństwem i kulturą – przegląd problematyki”. *Kultura i Historia*, nr 11 (2007). 25.10.2024. <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/pl/archives/113>.
- Kon, Igor' Semenovich. „Ponyatiye pokoleniya v sovremennom obshchestvoznanii”. V: *Aktual'nyye problemy etnografii i sovremennaya zarubezhnaya nauka*, red. Yuriy Maretin i Boris Putilov, 209-224. Leningrad: Nauka: Leningradskoye otdeleniye, 1979 [Кон, Игорь Семенович. „Понятие поколения в современном обществознании”. В: *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука*, ред. Юрий Маретин и Борис Путилов, 209-224. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1979].
- Kon, Igor Semenovich. *Sotsiologiya lichnosti*. Moskva: Politizdat, 1967 [Кон, Игорь Семенович. *Социология личности*. Москва: Политиздат, 1967].
- Levada, Yuriy. „Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 5 (2001): 7-14 [Левада, Юрий. „Поколения XX века: возможности исследования”. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5 (2001): 7-14].
- Levada, Yuriy. „Zametki o probleme pokoleniy”. V: *Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii*, red. Yuriy Levada i Teodor Shanin, 235-244. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2005 [Левада, Юрий. „Заметки о проблеме поколений”. В: *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*, ред. Юрий Левада и Теодор Шанин, 235-244. Москва: Новое литературное обозрение, 2005].
- Levada, Yuriy i Teodor Shanin. red. *Ottsy i deti. Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2005 [Левада, Юрий, и Теодор Шанин. ред. *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. Москва: Новое литературное обозрение, 2005].
- Mangeym, Karl. „Problema pokoleniy”. *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 2 (1998): 7-47 [Мангейм, Карл. „Проблема поколений”. *Новое литературное обозрение*, № 2 (1998): 7-47].
- Olaszek, Barbara. „Pokoleniye: model' i yeye dinamika (na materialerusskoy klassicheskoy literatury)”. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*, Zeszyt specjalny 2015: 293-302 [Olaszek, Barbara. „Поколение: модель и ее динамика (на материале русской классической литературы)”. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*, Zeszyt specjalny 2015: 293-302].
- Petrunina, Dar'ya Sergeyevna. „«Perekhodnoye pokoleniye»: Pokolencheskaya identichnost' millenialov”. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 2 (2022): 57-64 [Петрунина, Дарья Сергеевна. „«Переходное поколение»: Поколенческая идентичность миллениалов”. *Социологические исследования*, № 2 (2022): 57-64].

- Pishchik, Vlada. „Tipologicheskiye i identifikatsionnyye priznaki pokoleniy”. *Russian Psychological Journal* 15, no. 2 (2018) [Пищик, Влада. „Типологические и идентификационные признаки поколений”. *Russian Psychological Journal* 15, № 2 (2018)]. 25.10.2024. <https://core.ac.uk/download/pdf/287181087.pdf>.
- Pogorelaya, Yelena. „V poiskakh ozvuchennogo vremeni. Yelena Chizhova”. *Voprosy literatury*, no. 3 (2010) [Погорелая, Елена. „В поисках озвученного времени. Елена Чижова”. *Вопросы литературы*, № 3 (2010)]. 25.10.2024. <https://voplit.ru/article/v-poiskah-ozvuchennogo-vremeni-elena-chizhova/>.
- Radayev, Vadim. *Millenialy: kak menayetsya rossiyskoye obshchestvo*. Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2020 [Радаев, Вадим. *Миллениалы: как меняется российское общество*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020].
- Shanin, Teodor. „Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya Rossii”. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye*, no. 3 (2005): 6-25 [Шанин, Теодор. „История поколений и поколенческая история России”. *Человек. Сообщество. Управление*, № 3 (2005): 6-25].
- Soldra-Gwizdź, Teresa. „Spoleczne ramy zbiorowej pamieci rodziny”. *Family Forum*, nr 3 (2013): 115-130.
- Szafraniec, Krystyna. *Mlodzi 2011*. Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, 2011. 25.10.2024. file:///C:/Users/ElaTK/Downloads/mlodzi_2011.pdf.
- Tsiv'yan, Tat'yana. *Dacha i dachniki v russkom predstavlenii. Predvaritel'nyye materialy* [Цивьян, Татьяна. *Дача и дачники в русском представлении. Предварительные материалы*]. 25.06.2022. https://studylib.ru/doc/3975812/dacha---institut-mirovoj-kul._tury-mgu.
- Tyszkowska-Kasprzak, Elzbieta. „Dacha jak metafora sovetskogo byta: «dachnyy gabitus» v romane Yeleny Chizhovoy Planeta gribov”. *Przegląd Rusycystyczny*, nr 4 (2022): 134-150 [Tyszkowska-Kasprzak, Elzbieta. „Дача как метафора советского быта: «дачный габитус» в романе Елены Чижовой *Планета грибов*”. *Przegląd Rusycystyczny*, № 4 (2022): 134-150].
- Vdovina, Margarita. „Konfliktnyye vzaimootnosheniya pokoleniy v sem'ye i ikh regulirovaniye”. *Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiyavestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 3 (2008): 315-321 [Вдовина, Маргарита. „Конфликтные взаимоотношения поколений в семье и их регулирование”. *Социология. Психология. Философия Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 3 (2008): 315-321].
- Wielecki, Krzysztof. „Spoleczne czynniki tozsamości pokoleniowej młodzieży”. *Studia Socjologiczne*, nr 1-2 (1990): 61-82.
- Wyka, Kazimierz. *Pokolenia literackie*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1977.
- Yurchak, Aleksey. *Eto bylo navsegda, пока не konchilos'.* Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016 [Юрчак, Алексей. *Это было навсегда, пока не кончилось*. Москва: Новое литературное обозрение, 2016].

ПЕРЕХОДНОЕ ПОКОЛЕНИЕ РАСПАДА СССР
В РОМАНЕ ЕЛЕНА ЧИЖОВОЙ *ПЛАНЕТА ГРИБОВ*

Резюме

В статье рассматривается проблема переходного поколения в период распада СССР, изображенного в романе Елены Чижовой *Планета грибов*. Анализ романа сфокусирован на трех героях, представителях переходного поколения, живущих между старой системой и – пришедшей ей на смену новой. Родившиеся и выросшие в советские времена молодые люди, как замечает Чижова, не были выразителями одинаковых ценностей и до этого исторического

события. Благодаря изображению персонажей, происходящих из разных социальных слоев, писательница подчеркивает неоднородность генерации до события, формирующего поколение. Обусловленные этим разнообразием последствия представлены во взрослой жизни героев, пришедшейся на период трансформации в России. Чижова изображает три типа отношения к минувшей эпохе: бунтаря, ультрарадикала с упрощенным черно-белым мышлением; представителя категории людей, сопротивляющихся прошлому не путем идеологических рассуждений, а в действии; и человека нерешительного, беспомощного, не способного внести никаких изменений в мир, переданный ему старшим поколением.

Ключевые слова: современная русская проза; Елена Чижова; поколение; распад СССР

THE TRANSITIONAL GENERATION OF THE DISSOLUTION OF THE USSR
IN THE NOVEL BY ELENA CHIZHOVA *THE PLANET OF MUSHROOMS*

Summary

The article deals with the problem of the transitional generation during the dissolution of the Soviet Union, depicted in Elena Chizhova's novel *The Planet of Mushrooms*. The analysis of the novel focuses on three characters, representatives of the transitional generation living between the old system and the new one that replaced it. Young people born and raised in Soviet times, as Chizhova notes, did not express the same values even before this historic event. The consequences of this diversity are presented in the adult life of the heroes, which fell on the period of transformation in Russia. Chizhova depicts three types of attitude towards the past era: a rebel, an ultra-radical with a simplified black-and-white thinking; a category of people who resist the past in action and the third type is an indecisive, helpless person, unable to make any changes in the world passed on to them by the older.

Keywords: modern Russian prose; Elena Chizhova; generation; dissolution of the USSR

PRZEJŚCIOWE POKOLENIE ROZPADU ZSRR
W POWIEŚCI JELENY CZYŻOWEJ *GRZYBNIA*

Streszczenie

Artykuł dotyczy problemu pokolenia przejściowego w okresie rozpadu ZSRR, przedstawionego w powieści Eleny Czyżowej *Grzybnia*. Analiza powieści skupia się na trojgu bohaterach, przedstawicielach pokolenia przejściowego żyjącego między starym a nowym systemem społeczno-politycznym. Młodzi ludzie urodzeni i wychowani w czasach sowieckich, jak zauważa autorka, nie wyrażali tych samych wartości jeszcze przed rozpadem ZSRR. Postaci reprezentujące różne środowiska społeczne demonstrują heterogeniczność pokolenia jeszcze przed wydarzeniem kształtującym generację. Konsekwencje tej różnorodności ukazane są w dorosłym życiu bohaterów, które przypadło na okres transformacji w Rosji. Czyżowa ukazuje trzy typy postaw wobec minionej epoki: buntowniczą, ultraradykalną o uproszczonym, czarno-białym myśleniu; kategorię ludzi, którzy przeciwstawiają się przeszłości nie poprzez ideologię a w działaniu; trzeci typ to człowiek niezdecydowany, bezradny, niezdolny do jakichkolwiek zmian w świecie przekazanym mu przez starsze pokolenie.

Słowa kluczowe: współczesna proza rosyjska; Jelena Czyżowa; pokolenie; rozpad ZSRR